

ВЕСТНИК

Православного
Свято-Тихоновского
Гуманитарного
Университета

Журнал выходит шесть раз в год.

Основан в 1997 г.

БОГОСЛОВИЕ • ФИЛОСОФИЯ

I : 2 (46)

март

апрель

Москва 2013

Maier G. Die Offenbarung des Johannes. Kapitel 1–11. Witten: Brockhaus; Giessen: Brunnen, 2009 (Historisch-Theologische Auslegung). 542 S.; *Idem.* Die Offenbarung des Johannes. Kapitel 12–22. Witten: Brockhaus; Giessen: Brunnen, 2012 (Historisch-Theologische Auslegung). 544 S.

На рубеже XX и XXI вв. увидел свет целый ряд научных комментариев к Апокалипсису¹, да и вообще это время было отмечено явным всплеском интереса к последней книге Св. Писания — очевидно, сам факт «рубежа», который в данном случае был рубежом не только веков, но и тысячелетий, сыграл здесь свою роль. Общий уровень этих комментариев должен быть признан очень высоким. Особого выделения заслуживают масштабные — оба содержат более 1000 страниц — труды американских исследователей Дэвида Ауни и Грегори Била. Они, если можно так выразиться, представляют собой два полюса в современных исследованиях Апокалипсиса. Комментарий Ауни является трудом прежде всего историко-филологическим, в котором Откровение Иоанна Богослова как литературный и исторический памятник рассмотрено во всех возможных контекстах с беспрецедентной степенью тщательности. Комментарий Била, напротив, основное внимание уделяет выявлению богословского, духовного содержания библейской книги. При всех своих различиях, однако, два названных труда могут быть поставлены рядом в отношении своего общего научного уровня. Исследовательская планка поднята ими настолько высоко, что любой последующий комментарий к Апокалипсису неизбежно оценивается и будет оцениваться по Ауни и Билу, и лишь в случае приближения к заданному ими уровню он может рассчитывать на устойчивое внимание научного сообщества.

Как же это сравнение выдерживает являющийся предметом данной рецензии комментарий Герхарда Майера? Прежде всего, необходимо отметить, что по общему характеру он конечно же ближе комментарию Била, нежели Ауни. Это заведомо ясно хотя бы из того, что он вышел в свет в серии “Historisch-Theologische Auslegung”, представляющей собой ярко выраженный консервативный проект, подчеркнута оппозиционный по отношению к либерально-критическому на-

¹ *Aune D. E.* Revelation 1–5. Dallas, 1997; *Idem.* Revelation 6–16. Nashville, 1998; *Idem.* Revelation 17–22. Nashville, 1998 (пагинация в трех томах сквозная); *Giesen H.* Die Offenbarung des Johannes. Regensburg, 1997; *Beale G. K.* The Book of Revelation. A Commentary on the Greek Text. Grand Rapids (MI) — Cambridge (UK), 1999; *Prigent P.* L'Apocalypse de Saint Jean. Genève, 2000; *Idem.* Commentary on the Apocalypse of St. John. Tuebingen, 2001 (перевод на английский язык оригинального французского текста); *Osborne G. R.* Revelation. Grand Rapids, 2002; *Smalley S. S.* The Revelation to John. Downers Grove, 2005; *Biguzzi G.* Apocalisse. Milano, 2005.

правлению в библеистике². Как для Била, так и для Майера Апокалипсис — это, прежде всего, священный текст, написанный в определенной традиции, и именно его соответствующая данному статусу внутренняя логика и его вытекающее из факта принадлежности данной традиции духовное свидетельство, с точки зрения данных исследователей, должны быть выявлены в первую очередь в посвященном ему труде. Эта принципиальная установка, однако же, может быть различным образом реализована в конкретных научных трудах. Постараемся указать на то, в чем именно проявляется своеобразие комментария Майера. Структура его труда может быть названа вполне стандартной. Открывается он введением (с. 13–76), в котором рассматриваются обычные для подобного рода раздела вопросы датировки библейской книги, ее авторства, литературного единства, текстологии, положения в каноне и т. д. Особо следует отметить здесь подраздел, посвященный языку Апокалипсиса и его соотношению с четвертым Евангелием, в котором Майер однозначно высказывается в пользу единства автора обеих книг и традиционной их атрибуции апостолу Иоанну Зеведееву, а также параграф, касающийся истории толкования книги, — этому вопросу он в свое время посвятил значительную монографию³ и может, без сомнения, считаться одним из крупнейших его знатоков. В целом во введении Майер заявляет о себе как убежденном консерваторе в восприятии Апокалипсиса — он принимает домициановскую датировку книги, безусловно, утверждает ее литературное единство и принадлежность перу евангелиста Иоанна, подлинность духовного опыта Тайнозрителя и достоверность его литературного описания, говорит об органической литературной и богословской связи книги с различными пластами Библии в целом и Нового Завета в частности. За введением следует основная, экзегетическая часть комментария. Раздел, посвященный каждому фрагменту текста, состоит здесь из четырех частей. Сначала предлагается немецкий перевод соответствующего фрагмента, затем разбирается его структура, после этого следует собственно экзегеза и, наконец, дается излагаемое по пунктам резюме фрагмента. Некоторым вопросам, требующим более тщательного рассмотрения, посвящены специальные экскурсы. В конце обоих томов комментария помещены список литературы, именной и предметный указатели.

Данная стандартная структура наполнена, однако, не вполне стандартным содержанием. Уже после прочтения раздела, посвященного первым трем главам Апокалипсиса, становится совершенно очевидным, — а дальнейшее чтение только подтверждает первое впечатление, — что Г. Майер осуществляет исследование книги, обращаясь к научной литературе чрезвычайно избирательно. В глаза постоянно бросается отсутствие ссылок на целый ряд общеизвестных и высококачественных трудов, посвященных тем или иным аспектам Апокалипсиса. Показательны в этом отношении следующие факты. На первой же странице вступления (с. 13) Майер ссылается на одну историю, рассказанную Г. Билом во введении к его собственному комментарию на Апокалипсис. А после с. 19 и до

² Общую характеристику данной серии см. в нашей рецензии на: Майер Г. Послание Иакова. М.: ББИ, 2012 // Вестник ПСТГУ. Серия I. Богословие. Философия. М., 2012. Вып. 2 (40). С. 152–156.

³ *Maier G. Die Johannesoffenbarung und die Kirche. Tuebingen, 1981.*

конца первого тома комментария Майера в нем полностью отсутствуют ссылки на труд Била! Во втором томе поначалу ссылки на Била появляются, но затем опять исчезают до конца комментария. Труды Ричарда Бокэма об Апокалипсисе, справедливо считающиеся классическими, вообще отсутствуют в библиографическом списке Майера! Об исследованиях крупнейших итальянских специалистов по Апокалипсису Уго Ванни и Джанкарло Бигуцци после этого излишне и говорить. И дело тут конечно же вовсе не в факте отсутствия ссылок как таковым, а в том, что исследование ведется вне полноценного диалога с научным сообществом. Майер почти полностью игнорирует посвященные Апокалипсису монографии и статьи и обращается в основном к комментариям, Богословскому словарю Нового Завета⁴ и трудам «давно минувших дней». Последний пункт наиболее интересен. Наряду с авторами патристической эпохи, обращение к наследию которых не может, так сказать, не польстить православному человеку, большим авторитетом для Майера обладают некоторые богословы XVII–XIX вв., видеть имена которых в современном научном комментарии весьма непривычно. Уже во введении Майер отмечает, что считает очень значительными и достойными изучения и сегодня посвященные Апокалипсису труды Иоганна Кокцея (1603–1669), Кампегия Витринги (1659–1722) и Иоганна Альбрехта Бенгеля (1687–1752). В дальнейшем со ссылками на них мы встречаемся у Майера повсеместно. Подчеркнутое внимание он уделяет и трудам таких принадлежащих к пиетистской традиции консервативных немецких богословов более позднего времени, как Иоганн Михаэль Хан (1758–1819) и Кристиан Фридрих фон Рёмер (1854–1920). Внимание к наследию этих авторов само по себе не только не должно вызывать нареканий, но и заслуживает уважения — для протестантского исследователя они являются своего рода «святыми отцами». Однако уж слишком неравноценным для современного научного труда выглядит наличествующий в книге Майера «размен» — Бенгель и Хан есть, а Бокэма нет. Упрекать Майера в том, что он ведет своего рода «игру в поддавки», обращаясь к узкому кругу близких ему по духу читателей и заведомо предлагая им лишь то, что будет ими встречено благоприятно, было бы, пожалуй, несправедливо. Однако без риска возвести на ученого напраслину можно сказать, что, работая над своим комментарием, он явно шел по пути отнюдь не наибольшего сопротивления. И нельзя не признаться, что в этом отношении труд Майера вызывает определенное разочарование.

Говоря непосредственно об экзегезе Майера, следует, прежде всего, отметить, что она носит подчеркнуто осторожный и уравновешенный характер. Автор постоянно указывает на опасность как топорного буквализма при интерпретации образности Апокалипсиса, так и поспешного перехода к аллегорическим толкованиям. Кроме того, он очень внимательно следит за тем, чтобы гипотетические суждения не провозглашались незыблемыми положениями. Другой особенностью подхода Майера к Апокалипсису является акцентирование его

⁴Theologisches Woerterbuch zum Neuen Testament. Begr. von G. Kittel (в десяти томах). Одно из последних изданий: Stuttgart-Berlin-Koeln: Kohlhammer, 1990. Удивительным образом статьи из этого словаря — как и сам словарь в целом — не включены Майером в список литературы, при том что ссылки на них встречаются чуть ли не на каждой странице его комментария.

обращенности именно к будущим событиям и связанное с этим чрезвычайно скептическое отношение к толкованию тех или иных образов или фрагментов книги как относящихся к современным Тайнозрителю реалиям. Конечный результат применения этих принципов к тексту Откровения Иоанна представляется неоднозначным. Во многих местах экзегеза Майера отмечена похвальная трезвостью, в ряде случаев автор признается в том, что подлинное понимание данного фрагмента текста нам недоступно. Однако кое-где эта трезвость переходит в унылую констатацию лежащих на поверхности текста фактов и походит на чеховское «как бы чего не вышло». В полную противоположность этому, однако, первые десять стихов гл. 20 Майер не стесняется интерпретировать в чисто хилиастическом духе, идя против лютеранской ортодоксии и продолжая столь дорогую ему пиегистскую традицию, наследником которой он, очевидно, себя считает. Здесь почему-то осторожность Майера не сработала, и экклезиологически-идеалистическую традицию толкования Откр 20. 1–10 он дисквалифицирует без всякого серьезного ее анализа, как будто забывая о том, что представлена она от бл. Августина до Пьера Прижана и Джанкарло Бигуцци людьми далеко не самыми бездарными в богословском отношении. Что же касается недоверчивости Майера к современно-историческим интерпретациям Апокалипсиса, то она, очевидно, является чрезмерной и непродуктивной. Категорически возражая против толкования гл. 13 и 17 в свете римских реалий I в., ученый столь откровенно идет против современного научного мэйнстрима и предлагает столь минималистические толкования тех мест этих глав, в которых не без основания видят аллюзии на события римской истории, что можно говорить даже об определенной маргинальности данных разделов комментария. Вместе с тем труд Майера содержит и прекрасные образцы глубокого символического толкования отдельных мест Откровения Иоанна. Прежде всего, это касается гл. 11, посвященный которой раздел является едва ли не лучшим в комментарии.

Завершая рецензию, приходится, прежде всего, сказать, что Герхард Майер, по-видимому, не вполне угадал с жанром, а точнее, с объемом своей книги. При его подходе к Апокалипсису гораздо выигрышнее было бы написать значительно более скромный по объему труд — страниц, допустим, на триста–четыреста, в котором было бы предложено целостное духовно-богословское толкование Откровения Иоанна без излишнего погружения в критическую проблематику. Писать же тысячестраничный комментарий имеет смысл только в том случае, если в нем в максимальной мере учтена относящаяся к предмету научная литература, отражены и оценены основные мотивы и методы интерпретации исследуемой книги, если, наконец, автор имеет собственные интересные идеи и разработки практически по каждому ее разделу. Увы, всего этого не скажешь о комментарии Майера. «Коэффициент полезного действия» этого масштабного труда, к сожалению, должен быть признан невысоким. Вместе с тем нельзя отрицать и его высокой, в определенных отношениях, значимости. Комментарий Герхарда Майера, как, впрочем, и вся серия, в которую он входит, ценен, так сказать, в качестве исторического явления. При оценке современной немецкой библеистики сегодня уже невозможно игнорировать наличие в ее рамках серьезного консервативного направления, сопоставимого с англо-саксонскими *evangelicals*, пусть

оно и очень далеко пока по степени своего научного влияния от господствующей в Германии либерально-критической тенденции. В случае Апокалипсиса особого внимания заслуживает и пробуждение старых пиетистских традиций, столь ярко проявляющееся, например, в неприкрытом хилиазме Майера. Кроме того, нельзя не отдать должного строго христианской настроенности автора, выражающейся в бескомпромиссной оценке пороков современного мира и указании на долг христианского свидетельства в нем. Однако как чисто научный труд комментарий Герхарда Майера все же не может быть поставлен в один ряд с указанными в начале рецензии комментариями Д. Ауни и Г. Биля и большого внимания научной общественности, скорее всего, не вызовет.

*А. С. Небольсин
(ПСТГУ)*

Imagery in the Book of Revelation / M. Labahn, O. Lehtipuu, eds. Leuven; Paris; Walpole: Peeters Publishers, 2011 (Contributions to Biblical Exegesis and theology; 60). XV + 233 p.

Данный сборник представляет собой публикацию докладов, прочитанных на посвященном образности Апокалипсиса семинаре, проходившем в августе 2007 г. в Вене в рамках совместной конференции Общества библейской литературы (Society of Biblical Literature) и Европейской ассоциации библейских исследований (European Association of Biblical Studies). Образы Апокалипсиса, согласно редакторскому предисловию к сборнику, многообразны по своему происхождению, являются неуловимыми, ускользающими (elusive), загадочными, и переход от отдельных образов к целостной «картине» (painting) книги оказывается очень сложным (с. VII). Чтобы обменяться суждениями касательно этой непростой сферы, на семинар были приглашены исследователи разных направлений, имеющие различные богословские интересы и применяющие в изучении Откровения Иоанна различные методологические и герменевтические подходы (с. VII–VIII)¹.

Актуальность проблематики, связанной с образностью Апокалипсиса, очевидна для всякого человека, мало-мальски причастного к исследованию и преподаванию этой книги. Достаточно указать на тот факт, что как происхождение, так и значение целого ряда ее образов до сих пор получает в науке совершенно различные объяснения. Вместе с тем ожидать от докладов семинара каких-то существенно обогащающих науку откровений и прорывов было бы наивным. В большинстве случаев подобного рода тексты лишь констатируют status questionis — либо в отношении лично автора, либо в отношении того направления, к которому он принадлежит. Это в полной мере относится и к рецензи-

¹ Редакторы сборника отмечают, что он содержит также две статьи, написанные авторами, которые не смогли принять участие в семинаре (с. VIII).